

СЕРГЕЙ ТАРАНЕНКО

ШРАМ МИРА

ОРУЖЕНОСЕЦ

Сергей Тараненко

Шрам Мира Оруженосец

<https://litres.ru/74288164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир давно забыл свое настоящее прошлое.

Там, где когда-то возвышались города, теперь шумят бескрайние леса. Люди живут среди руин, не понимая, кто построил древние крепости, дороги и исполинские сооружения. Лишь на далеком западе остается место, куда никто не осмеливается идти - Шрам

«Шрам Мира» — эпическое приключенческое фэнтези о памяти, выборе и цене ответственности. Это история о людях, которым предстоит спасти мир, не подозревая, что настоящий враг появился задолго до рождения первых королевств.

Содержание

Глава 1. Башня	4
Глава 2. Погребальный огонь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Тараненко

Шрам Мира Оруженосец

Глава 1. Башня

Дождь лил уже много часов. Тяжелые капли пробивались сквозь проломы полуразрушенной крыши и с глухим стуком разбивались о холодный каменный пол. Вода медленно смывала кровь, грязь и следы сапог, словно сама природа торопилась стереть все доказательства того, что здесь совсем недавно кто-то искал спасения. На самом верху старой сторожевой башни, в темном углу под остатками каменной арки, сидел молодой оруженосец. Он прижал колени к груди и плотнее укутался в промокший плащ с глубоким капюшом. Ткань давно перестала защищать от холода, но скрывала его лицо, будто могла спрятать и от того, что осталось снаружи... и от того, что теперь жило внутри.

Он так и не решился развести огонь. Даже маленькое пламя было бы видно за многие лиги, а кто может увидеть этот свет, он не знал — и боялся узнать. Массивная дубовая дверь, окованная потемневшими железными полосами, еще держалась и, несмотря на годы, казалась крепче многих крепостных ворот. Именно поэтому он выбрал эту башню — по крайней мере, так ему казалось. Но настоящий враг был

не за дверь. Страх поселился внутри — тяжелый, холодный, неумолимый, — он словно превратился в невидимые цепи, сковавшие тело и разум. Оруженосец уже не чувствовал, сколько времени прошло: час, ночь или несколько дней.

Он лишь сидел, прислушиваясь к каждому звуку. Иногда ему казалось, что дождь — это шаги. Иногда ветер напоминал чей-то шепот. А иногда... ..он был уверен, что за дверью кто-то стоит. Он задерживал дыхание. Слушал. И снова слышал только дождь. Но стоило закрыть глаза, как перед ним вспыхивали обрывки пережитого. Кровь. Грязь. Разбитые щиты. Позолоченные доспехи, залитые алым. Отрубленные руки, всё ещё сжимавшие мечи. Разорванные знамена, которые совсем недавно гордо развевались над легендарным отрядом. И лица. Лица людей, чьи имена знало все королевство. Людей, которых называли непобедимыми.

Теперь они лежали неподвижно. А он... Он остался жив. И до сих пор не понимал — почему. Дрожащие пальцы сами собой сжались вокруг небольшого свертка, спрятанного под плащом. Он не смел смотреть на него. Не смел даже думать о последних словах своего наставника. Потому что вместе с ними возвращалась одна мысль. Мысль, от которой становилось холоднее, чем от ночного дождя.

«Я не должен был выжить...»

Ночь тянулась бесконечно. Каждый порыв ветра заставлял оруженосца вздрагивать, а дождь, барабанивший по остаткам крыши, сливался в бесконечный гул, похожий на

далекое сражение. Несколько раз ему казалось, что кто-то пытается открыть дверь башни, но это был лишь ветер, игравший с прогнившими ставнями. Один раз внизу что-то глухо ударилось о камень — то ли ветка, сорванная бурей, то ли отвалившийся кусок кладки, — и он едва не вскрикнул, зажав себе рот ладонью. Сердце колотилось так, что заглушало шум дождя. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он снова осмелился вдохнуть полной грудью.

Под утро усталость наконец победила страх. Голова тяжело опустилась на сложенные руки, и он сам не заметил, как провалился в сон. Но покоя не было даже там. Ему снилось поле, которое он никогда не хотел бы увидеть вновь. Он брел по размокшей от дождя земле, спотыкаясь о разбитые щиты и тела тех, кого еще вчера называли величайшими рыцарями королевства. Изуродованные доспехи тускло поблескивали в сером свете, а между ними текли тонкие ручьи дождевой воды, смешанной с кровью.

Кто-то звал его по имени. Совсем рядом. Но сколько бы он ни пытался найти этот голос, вокруг были лишь мертвые. И вдруг... Он почувствовал на себе чей-то взгляд. Тяжелый. Невидимый. От него кровь стыла в жилах. Он не видел того, кто смотрел на него. Но всем существом понимал — оно тоже видит его. Оруженосец закричал и резко проснулся. Несколько мгновений он судорожно хватал ртом воздух, не понимая, где заканчивается сон и начинается явь. Постепенно сердце стало биться ровнее. Гроза ушла. За ночь ве-

тер разогнал тяжелые тучи, и первые лучи солнца, словно золотые копья, пробивались сквозь проломы башни, разрезая полумрак на яркие полосы света. В их лучах медленно кружились пылинки, а мокрые камни поблескивали, будто были покрыты серебром.

Желудок болезненно сжался. Он не ел со вчерашнего дня.

«Нужно найти припасы... Воду... Может быть, лошадь...»

Он неторопливо поднялся. Все тело ломило после ночи, проведенной на холодном камне, а колени скрипнули, будто и они постарели за одну эту ночь на добрый десяток лет. Он потер лицо ладонями, стирая остатки сна, и на мгновение замер, глядя на собственные пальцы — грязные, исцарапанные; под ногтями засохла кровь, своя ли, чужая ли, он уже не мог сказать. Подойдя к двери, он осторожно снял тяжелый железный засов. Металл протяжно заскрежетал — звук показался ему слишком громким, слишком живым. Оружено-сец замер, прислушался. Тишина, только ветер. Он глубоко вдохнул и медленно толкнул дверь. Старые петли жалобно застонали, дверь распахнулась, и яркий утренний свет ударил ему в лицо, заставив зажмуриться. Красные от бессонницы глаза болезненно отреагировали на солнце. Он прикрыл лицо ладонью и сделал осторожный шаг наружу. Впервые после той ночи...

...он снова оказался один на один с миром. По всем законам здравого смысла ему следовало вернуться в лагерь. Именно там оставались припасы, вода, оружие и, если пове-

зет, уцелевшие лошади. Мысль эта была проста. Но сделать первый шаг оказалось куда труднее. Он бежал оттуда на закате. Тогда мир вокруг утонул в багровом свете уходящего солнца, а страх гнал его вперед быстрее собственного сердца. Теперь же наступило утро. Найти дорогу оказалось совсем несложно. Над горизонтом кружили вороны. Их черные силуэты медленно описывали круг за кругом, словно сама смерть не желала покидать место недавней бойни.

— Значит... там, — тихо произнес оруженосец.

Он долго смотрел вдаль. Внутри все сжималось. Каждый шаг в ту сторону означал снова пройти через тот ужас, от которого он бежал прошлой ночью. Но вдруг его посетила другая мысль. Если он все равно идет туда... Нельзя оставить их так. Господин Родрик... Сэр Бранн... И остальные. Они заслужили покой. Не годится, чтобы прославленные рыцари королевства, люди, чьи имена будут помнить столетиями, остались лежать в грязи, став добычей ворон и диких зверей. Оруженосец опустил голову.

— Простите... что убежал...

Слова растворились в утреннем ветре. Он глубоко вдохнул.

«Сначала похороню их... Потом заберу все, что поможет продолжить путь.»

Это было меньшее, что он мог сделать. Шаг. Еще один. И еще. Тропа спускалась с холма петлями, огибая замшелые валуны и вывороченные корни старых дубов. Под ногами

хлюпала раскисшая после ливня земля, налипая на сапоги тяжелыми комьями. Дважды он оступался на скользких камнях и один раз едва не упал, ухватившись за колючий куст шиповника, — ладонь до сих пор саднило от царапин. Он не замечал боли. Мысли были заняты совсем другим. Каждый шорох в кустах заставлял руку тянуться к поясу, туда, где раньше висел его собственный короткий меч — нехитрое оружие оруженосца, годное разве что для тренировок. Сейчас пояс был пуст, и это пугало едва ли не сильнее, чем сама дорога назад.

Дорога к лагерю оказалась дорогой назад — к самому страшному дню его жизни. С каждым шагом память словно оживала. Будто кто-то медленно перелистывал страницы книги, которую он отчаянно пытался закрыть. Он снова видел утро того дня. Слышал смех рыцарей. Звон точильных камней о сталь. Фыркание лошадей. Тогда никто из них еще не знал, что многие уже никогда не увидят следующего рассвета... .. Копыта глухо цокали по каменной дороге, ведущей от крепости. Колеса тяжело нагруженного обоза лениво проворачивались, зачерпывая дорожную грязь. Скрипели оси, позвякивали цепи упряжи, негромко переговаривались люди. Лошади нетерпеливо фыркали, выпуская в прохладный утренний воздух облачка пара.

За спиной медленно закрылись массивные ворота крепости. С глухим лязгом поднялся подъемный мост, отрезая путников от дома. Путь начался. Впереди ехали двенадцать

рыцарей Ордена. За каждым следовал оруженосец, ведя под уздцы запасного боевого коня. Всего двадцать четыре лошади: двенадцать верховых и двенадцать крепких боевых жеребцов, привычных к долгим переходам и битвам. Следом неторопливо двигался обоз с припасами. Его сопровождали двое юных поварят, трое крестьян, отвечавших за лошадей и груз, и шестеро солдат Ордена. Замыкали колонну шестеро наемников — людей без гербов и клятв. Они называли себя искателями приключений, хотя чаще искали хорошо оплачиваемую работу.

Рассвет только вступал в свои права. Первые лучи солнца золотили вершины деревьев, на траве еще лежала роса, а утренний ветер доносил запах влажной земли и хвои. Дорога обещала быть долгой. Кто-то негромко рассказывал историю, вызвав смех у соседей. Один из поварят пытался успокоить упрямого мула, не желавшего идти в гору. Наемники о чем-то спорили, а впереди рыцари спокойно обсуждали предстоящий путь. Тирен тогда шел рядом с телегой, придерживая рукой корзину с хлебом, чтобы та не свалилась на очередной колдобине, и слушал, как двое молодых оруженосцев спорили, чей господин лучше владеет копьем. Это было самое обычное утро. Ничто не предвещало беды. Картина воспоминаний медленно растворилась, уступая место беспощадной реальности. Над полем смерти лениво кружили вороны.

Их хриплое карканье разносилось над сырой, пропитан-

ной кровью земель, словно они были единственными хозяевами этого места. Оруженосец шел медленно. Каждый шаг давался тяжело. Каждый шаг возвращал память. Вот здесь... Еще совсем недавно сэр Родрик сидел у костра, держа в руках деревянную кружку, и рассказывал истории о прошлых походах. Молодые оруженосцы слушали его, затаив дыхание, а рыцари лишь усмехались — они слышали эти байки уже десятки раз. Несколько шагов дальше... Возле обоза лежали поварята. Совсем недавно они прятались под телегой от вечернего дождя и звонко смеялись над старым ветераном, который ворчал, что этот поход станет для него последним.

Он ошибся лишь в одном. Последним он стал не только для него. Еще дальше... Наемники. Совсем недавно они громче всех хвастались своими победами и уверяли, что нет противника, способного их одолеть. Теперь от многих из них остались лишь изуродованные тела. Но даже после смерти их руки не разжимали рукоятей мечей. Оруженосец отвел взгляд. Он больше не мог смотреть. Но ноги сами несли его вперед. Туда... Где лежал его господин. Несколько воронов, усевшихся на золоченом наплечнике, неохотно вспорхнули в сторону, когда он приблизился. Перед ним лежал сэр Родрик. Дождь смыл большую часть крови с его лица.

Казалось, будто старый рыцарь просто уснул после долгого перехода. Оруженосец медленно опустил на колени. Внутри все оборвалось. Он хотел что-то сказать. Попросить прощения. Поблагодарить. Исполнить последнюю волю. Но

не смог. Горло сдавило так, словно кто-то сжал его железной рукой. Слезы сами покатались по щекам. Губы дрожали. Он опустил голову. И впервые с той страшной ночи позволил себе плакать. Ему казалось, будто в груди раскрылся собственный Шрам. Невидимая рана. Такая же глубокая. Такая же незаживающая. И никакое время уже не сможет сделать его прежним.

Долго он так и сидел, не поднимая головы, пока плечи не перестали вздрагивать, а слезы не высохли на холодном ветру, оставив на грязных щеках светлые дорожки. Когда он наконец поднял взгляд, солнце уже стояло выше деревьев, и утренний свет безжалостно освещал все то, что ночь и дождь еще недавно скрывали в тени. Впереди было еще очень много работы. И слишком мало времени, чтобы сделать ее так, как заслуживали погибшие.

Глава 2. Погребальный огонь

Он хотел предать их земле. Так было правильно. Так учили в Ордене. Но, обойдя поле еще раз, он понял — одному это не под силу. На то, чтобы выкопать хотя бы одну могилу, ушел бы почти целый день. А впереди была долгая дорога, и каждая потерянная минута могла стоить жизни. Тогда он вспомнил об обозе. Среди припасов нашлись несколько больших амфор с маслом для ламп. Оруженосец долго смотрел на них. Потом молча кивнул самому себе.

— Пусть огонь станет вашей последней дорогой...

Он сложил тела так, чтобы ни одно не осталось лежать в стороне. Когда солнце коснулось верхушек деревьев, он поднес факел к пропитанным маслом доскам. Пламя вспыхнуло не сразу. Сначала лениво. Потом жадно. Огонь с треском побежал по дереву, поднимаясь все выше. Искры взмывали в вечернее небо, кружась в воздухе, словно алые бабочки, уносившие с собой последние частицы человеческих душ. Оруженосец долго стоял молча. Пока пламя не стало выше человеческого роста. Лишь потом он вернулся к обозу. В дорожный мешок отправились хлебцы, вяленое мясо, котелок, кресало, бурдюк с водой и небольшая фляга масла.

Среди разбросанного оружия его внимание привлек кинжал. Явно не орденский. Черное лезвие покрывали незнакомые узоры, а вдоль дола тянулись странные письмена, каких

он прежде никогда не видел. Он повертел его в руках. Странная вещь. Но оставлять хорошее оружие было глупо. Кинжал исчез за поясом. Разбирая вещи своего господина, он осторожно достал из дорожного свертка меч сэра Родрика. Пальцы невольно замерли на потертой кожаной рукояти. Сколько сражений она пережила... Сколько раз этот клинок защищал своего хозяина...

— Я сохраню его... — тихо произнес оруженосец.

Меч был тяжел для него. Но оставить его он не мог. Рядом в обозе нашлась легкая кожаная броня. Она почти подходила ему по размеру. Прежнему владельцу она уже была ни к чему. Он долго смотрел на нее, прежде чем надеть. Словно вместе с броней принимал на себя часть чужой судьбы. Сумерки сгущались быстро. Огонь продолжал потрескивать за спиной. И вдруг... В темноте вспыхнули три пары глаз. Они отражали языки пламени холодным желтым светом. Низкое рычание прокатилось между деревьями. Следом раздался протяжный волчий вой. Сердце ударило так сильно, что, казалось, заглушило все остальные звуки.

Оруженосец резко выхватил меч сэра Родрика. Клинок оказался тяжелее, чем он помнил, и пришлось схватиться второй рукой — ладони дрожали, острие предательски ходило из стороны в сторону. Волки медленно выходили из темноты, их серые шкуры отражали отблески костра так, словно сами звери родились из пламени. Один остановился, оскалится, прижал уши — и прыгнул. Оруженосец зажмурился.

Ноги будто выросли в землю, он даже не успел поднять меч. Свист. Глухой удар. Жалобный визг. Он осторожно открыл глаза: волк лежал у самых его ног, из бока торчала стрела, а еще две серые тени мгновенно скрылись в лесу.

Позади послышался хруст ветки, потом еще один. Из темноты один за другим вышли люди — грязные дорожные плащи, потертые кожаные доспехи, луки, топоры, кривые мечи. Человек десять. Тот, что шел впереди, не спеша убрал лук за плечо. Его взгляд скользнул по оруженосцу, задержался на слишком большом для него рыцарском мече, затем на высоком погребальном костре.

— Значит, это ты их проводил...

Оруженосец молча крепче сжал рукоять. Главарь усмехнулся.

— Расслабься, парень.

Если бы мы хотели тебя убить, ты бы уже лежал рядом с волком. Несколько человек, не обращая на него внимания, направились к лагерю. Другие принялись собирать все, что еще можно было унести. Один складывал в мешок брошенные мечи и копья. Другой подбирал уцелевшие щиты. Третий проверял разбросанные сундуки и дорожные тюки. Оруженосец сделал шаг вперед.

— Не смейте...

Главарь поднял руку, останавливая его.

— Поздно геройствовать.

Он окинул взглядом лагерь.

— Все равно все это сгниет под дождем.

А живым нужно чем-то жить. Его голос звучал спокойно. Без насмешки. Без злости. Словно он говорил о чем-то давно привычном. Оруженосец ничего не ответил. Он понимал, что один против десятерых не сделает ничего. Главарь молча подошел ближе к костру. Некоторое время смотрел на высокое пламя. Потом негромко произнес:

— Хорошо проводил.

Не каждому хватило бы духу. Он повернулся к своим.

— Берем только то, что осталось.

Костер не трогать. И быстрее. До темноты нужно уйти отсюда. Никто не спорил. Разбойники работали быстро и молча. Они забрали часть оружия, оставшиеся припасы и все ценное, что еще можно было унести. Через несколько минут лагерь снова погрузился в тишину. Главарь уже собирался уходить, но вдруг остановился. Не оборачиваясь, он сказал:

— Если жизнь дорога...

Не задерживайся здесь после заката. Он ушел. Вместе со своими людьми. И только тогда оруженосец понял, что все это время сжимал меч так сильно, что пальцы онемели. Странно... Те, кого всю жизнь учили считать разбойниками и грабителями, не причинили ему вреда. Они забрали лишь то, что могло пригодиться живым. А настоящая опасность... До сих пор скрывалась где-то за границей света. Путь дальше решил подождать до рассвета. Слишком многое произошло за один день. Возвращаться в дорогу ночью означало искать

смерть. Башня снова стала его единственным убежищем. Та же полуразрушенная крыша.

Те же холодные стены. Тот же запах сырого камня. Но теперь рядом не было ни дождя, ни грозы. Ночь выдалась ясной. Лунный свет свободно проникал сквозь проломы в крыше, ложась на каменный пол бледными серебристыми полосами. От этого света становилось не теплее, а холоднее, словно сама луна безмолвно наблюдала за ним с недостижимой высоты. Он долго сидел молча. Сон не шел. Перед глазами вновь и вновь возникало пламя погребального костра, лица погибших рыцарей и слова разбойника:

— Если жизнь дорога... не задерживайся здесь после заката.

Он невольно посмотрел на дверь. Та была заперта. Но спокойнее от этого не становилось. Мысли не давали покоя. Впереди лежала дорога. Долгая. Опасная. И, если быть честным с самим собой... Почти в один конец. Он глубоко вздохнул. Потом вспомнил о свертке, который перед смертью передал ему господин. Осторожно развернув промасленную ткань, он достал карту. Она была сделана не на бумаге. И даже не на пергаменте. Материал напоминал старую, высушенную кожу, но был гораздо плотнее и почти не сгибался. Линии и знаки выцвели от времени, однако их всё ещё можно было различить.

Он плохо разбирался в картах. Но даже ему было понятно, что путь ведет далеко на запад. Туда, где заканчивались

земли Ордена. Туда, где начинался Шрам Мира. Под картой лежал еще один предмет. Небольшой кусок серого металла. Правильной формы. Слишком правильной. Его поверхность покрывали глубокие царапины и сколы, словно вещь пережила бесчисленное количество лет. Но страннее всего были борозды. Ровные. Точные. Не похожие ни на гравировку, ни на работу кузнеца. Таких узоров он никогда прежде не видел. Он медленно провел по ним пальцем. Металл оказался неожиданно теплым.

Он нахмурился.

— Хотел бы я знать... что ты такое...

Ответа, конечно, не последовало. Он аккуратно завернул карту и странный предмет обратно в ткань и спрятал сверток под плащ. Пламя маленькой масляной лампы дрогнуло. Башня снова погрузилась в тишину. Он закрыл глаза.

«Пора спать...»

Несколько мгновений он просто сидел, прислушиваясь к ночи.

«Завтра снова в путь...»

Он тяжело выдохнул.

«Справишься...»

Впервые за долгое время он мысленно назвал себя по имени.

«Ты справишься, Тирен.»

Эти слова прозвучали не как уверенность. Скорее как просьба не сдаваться. Он плотнее закутался в плащ, присло-

нился спиной к холодной каменной стене и медленно закрыл глаза. Впереди его ждала дорога. А пока... Нужно было пережить еще одну ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.